

„Зосима“ Достоевскаго и „Брандъ“ Ибсена.

Вдохновеніе. жизнь и вѣра.

Есть люди, чья душа, т.-е. гармонія, налажена изъ земныхъ образовъ, земныхъ содержаній, которыя однако служатъ лишь основой, аккомпанементомъ для какого-то высшаго содержанія уже неземного характера и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ новую, совершенную гармонію. Такія души подобны сказочнымъ странамъ, гдѣ все такое же, какъ у насъ, но только зачарованное чьимъ-то незримымъ и постояннымъ присутствіемъ. Такой страной рисуется и внутренний міръ старца Зосимы. Но утверждать это—не значитъ ли быть излишне подозрительнымъ? Старецъ вѣдь такой земной человѣкъ. Онъ любитъ пишее варенье; онъ цѣлуетъ землю; онъ такъ понимаетъ житейскія нужды; на него коснется монахи—любители поговѣй, а „длетьворный духъ“, казалось бы, окончательно ридитъ его съ землею. Въ оградѣ своего скита онъ посадитъ цвѣты. Они, какъ и все земное, колышатъ въ немъ море умилевающей вѣжности. И правда, душа его открывается передъ нами, какъ море изъ лѣса, утреннее и вечернее—одинаково тихое, съ теплымъ золотистымъ песочкомъ. Темныя ели благословляютъ пришедшія къ берегу волны. И будто появляется на этомъ морѣ бѣлый корабль, и отъ него отлѣзжаетъ скромная рыбацкая лодка: изъ нея кто-то выходитъ на берегъ и долго еще смотритъ на море. Волны приподымаются передъ нимъ на мгновеніе, и потому падаютъ въ изнеможении отъ восторга, точно увидавъ лицо ангела. Это не простой рыбакъ вышелъ на берегъ; это гость изъ далекихъ странъ. Вотъ онъ идетъ къ земной полосѣ лѣса. Золотистый трепеть пробѣжалъ по вершинамъ. Вотъ это чье-то постоянное присутствіе въ душѣ старца придаетъ этой душѣ, такой земной и человѣческой, какое-то иное содержаніе, съ которымъ она и составляетъ новое своеобразное цѣлое, тотъ упомянутый „зачарованный“, чуждый земному и человѣческому, міръ.

Былъ такой моментъ въ жизни Алени, когда онъ съ полной увѣренностью могъ сказать: „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“. Этотъ же посѣтитель—этотъ гость изъ далекихъ странъ вошелъ однажды и въ душу старца и образовалъ съ ней одно неразрывное цѣлое. Это случилось въ утро порель поединкомъ. Съ тѣхъ поръ гость, повидимому, не разлучался со старцемъ и въ концѣ-концовъ пересталъ быть для него гостемъ. Достаточно двухъ-трехъ словъ старца, чтобы догадаться о присутствіи въ сферѣ его сознанія на-ряду съ чисто земнымъ ея содержаниемъ еще какого-то посторонняго, не отъ міра сего, хотя и близкаго и „своего“ для личной души старца. „Трепещуть восторгомъ душа моя“. О своемъ братѣ онъ говоритъ: „Вставалъ со ея *трепещца* любовью“. Онъ любитъ спутника своихъ путешествій брата Аноима—„этого какъ бы *трепещущаю* человѣка“.

Трепещутъ цвѣты, охваченные вѣтромъ и солнцемъ: пламя свѣтильника, съ которымъ бѣгутъ; лѣсенія молчаливыя воды, въ которыхъ купается лобель.

„Онъ (т.-е. Аноимъ) милый и молчаливый проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ *сотрясенія* душевнаго“. Или вотъ еще одно не менѣе характерное выраженіе: „любовью мучимый“. Трепетаніе, сотрясеніе, любовь, которая мучитъ, наконецъ, слезы, умиленіе и восторгъ—все это пассивныя состоянія, не отъ себя, а отъ кого-то другого. Когда испытываешь ихъ, то хочется въ радости повторять: „шъ я! не я!“

Всѣ эти состоянія можно выразить однимъ словомъ—вдохновеніе. Изъ факта вдохновенности старца становится все въ немъ помягшимъ; и его восторгъ передъ каждой травкой и букашкой, и вообще любовь его ко всему земному, и его сплывательность къ грѣху, и его радостный оптимизмъ.

Кто носить въ своей душѣ вдохновеніе—тотъ носить гармонию. Вдохновеніе не есть слѣпіе съ божествомъ, не есть раствореніе „я“ въ немъ или отождествленіе „я“ съ нимъ; соединеніе съ божествомъ, соприкосновеніе, координація, образованіе съ нимъ, какъ сказано выше, одного цѣлаго—гармоніи—вотъ что такое вдохновеніе. По словамъ старца: „мимолетный ликъ земной и вѣчная истина *соприкоснулись* тутъ вмѣстѣ“. Или: „...жизнь моя *соприкасается* уже съ новой, безконечною, невѣдомою“ и т. п. Или еще: „...даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой *связи* нашей (связи, а не слѣпія) съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и вышнимъ...“ И далѣе: „...варашенное живеть и живо лишь чувствомъ *соприкосновенія* своего таинственнымъ мірамъ инымъ...“ Итакъ, соприкосновеніе, связь—вотъ что находитъ старецъ въ своемъ вдохновеніи. Если бы онъ растворялся въ божествѣ, то получило бы одно безразличное единство, гдѣ, конечно, гармоніи не имѣла бы мѣсти. На самомъ же дѣлѣ—божество только дополняетъ его до вѣкотораго цѣ-

лага, гармонирует съ нимъ. ¹⁾ А если такъ, то и мiръ земной образуетъ съ душою старца одно цѣлое—гармонируетъ съ ней. И правда, вѣдь то, что мы называемъ земной жизнью или просто жизнью, всегда поражаетъ и порицаетъ роковымъ отсутствiемъ въ ней кого-то, постоянной разлукой съ нѣмъ-то (помимо той, которая совершается въ смерти)! Все художественное творчество, напротивъ, вытекаетъ изъ факта этой разлуки, такъ какъ стремится ввести въ нашъ мiръ то, чего въ немъ нехватаетъ, что какъ бы выпало изъ него. И подлинный художественный образъ не тотъ, который даетъ намъ *слѣдствiе* съ какой-нибудь частью мiра, но тотъ, который входитъ въ мiръ—будь то звѣздное небо или чья-нибудь душа—какъ *дополненiе* его до нѣкотораго гармоничнаго цѣлага. Да и для обычнаго сознанiя наша земля—инструментъ, изъ котораго выпало нѣсколько клавишъ, или нехватаетъ нѣсколькихъ важныхъ струнъ. А оставшiеся не могутъ уже образовать прежняго аккорда. Такъ и отдѣльныя части нашего мiра безсилны составить единое цѣлое, но, одиноки въ отношенiи къ покинутому изъ „всему мiру“, неизбежно пребываютъ одиночными и въ отношенiи другъ къ другу. Въ немъ положенiи находятся тѣ области нашего земнаго мiра, съ которыми сопряжилось вдохновенiе. Тамъ земныя части, встрѣчаясь съ небесными, тѣмъ самымъ и между собой образуютъ гармонию—единство цѣлага. Такой исключительно счастливой областью является и личная душа старца, въ которую входятъ и части вѣшняго мiра, соприкасающагося съ нимъ: земля, которую онъ цѣдуетъ, закатъ, который его умиляетъ смить и келья, въ которыхъ онъ живетъ, люди, которые близки ему. Въ этой-то области поселился гостеприимный гость. И что бы ни вошло въ сознанiе старца—со всемъ душа его тотчасъ же вступаетъ въ единство цѣлага, гармонию, со всемъ вступаетъ она въ какоо-то соприкосновенiе. Поэтому-то душа эта не знаетъ одиночества. Повидному, и самъ старецъ догадывается, въ чемъ секретъ его связи съ жизнью и любви къ ней. „Если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сiе чувство (т. е. чувство соприкосновенiя мiрамъ нѣмъ—вдохновенiе)... тогда становишь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее“. Повидно, почему такъ. Вѣдь только черезъ вдохновенiе устанавливается гармонiя между частями нашей земной жизни, а слѣдовательно, и связь, и любовь къ ней. Покидаетъ насъ вдохновенiе—и мы остаемся одни, рядомъ другъ съ другомъ, рядомъ съ природой, но безсилные любить, т. е. вступать между собою въ гармонию. И тогда жизнь—оркестръ, изъ котораго

¹⁾ Понятiе гармонiи, конечно, не можетъ быть здѣсь представлено во всей его философской ясности. Достаточно сказать, что гармонiя есть сослание частей, основанное не на томъ, что въ нихъ присутствуетъ нѣчто одно—общее имъ всемъ—не на „единствѣ въ многообразiи“, а исключительно на томъ, что нѣкоторыя части *дополняютъ* другъ друга до нѣкотораго цѣлага.

ушли главные музыканты и унесли главные инструменты. Итак, любовь старца Зосими к земному понятна при падении в нем вдохновения. Надо только помнить, что сама-то его любовь к землѣ „живетъ чувствомъ сопркосновения мірамъ инымъ“, г.-е. держится не на земной основѣ.

Какъ было сказано выше, старецъ отличается достойной удивленія снисходительностью къ людскому грѣху, и вообще ко злу, даже какой-то ласковостью къ нему. Чтобы ярче представить эту черту старца, стоитъ только вспомнить „рыцари Господа“—Бранда или Лютера, для котораго „слово Божіе есть мечъ, есть ядъ“. Старецъ не пугается грѣха и совѣщаетъ думать оросаться на него съ мечомъ. Грѣхъ для него—тотъ медвѣдь, который „приходить разъ къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу“. Какъ и тотъ святой, старецъ выходитъ изъ своей келіи къ грѣху-медвѣдю съ кускомъ хлѣба. „Ступай, дескать, Христосъ съ тобой“. Если бы выѣхалъ изъ это время рыцарь изъ лѣса, старецъ принялъ бы къ его стремени и заступился бы за грѣхъ, моля не уонять звѣри. На боевой кличъ Бранда—„все или ничего“—Зосима отвѣчаетъ: „Будь благолюбителъ“ (что значитъ на языкѣ старца—будь гармониченъ). „Знай мѣру“. А Оодору Карамизову онъ совѣдуетъ: „Закройте ваши игейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два или три“. И понятно, почему старецъ не пугается грѣха и противъ его гоненій: изъ той гармоніи, въ которой онъ живетъ, ничего не испортишь и ревъ „медвѣдя“—правда, но черезмѣрный („знай мѣру“), такъ же, какъ трубный ревъ не нарушитъ бы гармоніи оркестра. Другое дѣло для тѣхъ людей, для которыхъ жизнь открываеся безъ вышнихъ небесныхъ инструментовъ, какъ бы безъ скрипокъ. Какъ же имъ не ужаснуться одинокому реву тромбоновъ? На нихъ идетъ уже не медвѣдь—они видятъ огненные колесницы съ бѣшенными конями, которые мчатся на нихъ... Какъ же не надѣть изъ той тѣмноты? Для старца же надѣть неслѣдъ—„правда Божія примиряющая“. Правда Божія и есть тотъ новый сверхмірный элементъ, который тѣмъ самымъ, что вступаетъ въ нашу какофонію, умѣряетъ и примиряетъ тѣмъ ей слишкомъ рѣзкіе звуки трубъ. Итакъ, изъ факта вдохновенности старца становится понятной и его снисходительность къ грѣху.

А безбрежный оптимизмъ старца? И онъ разлился изъ того же источника. „Все хорошо и великолѣбно“, говоритъ старецъ. „Все созданіе и все творч. каждый листикъ... Богу славу носить, Христу плачать“. Правда, человекъ съ его грѣхомъ и страданіемъ немножко испортилъ эту гармонию. Но рокового ничего въ этомъ нѣтъ. Довольно, если и въ одномъ пунктѣ міра осуществилась гармонія. „Вѣрь до конца, хотя бы даже и случилось такъ, что всѣ бы на землѣ обратились, а ты одинъ единственный вѣрнень остался... А если всѣ такіе твои сойдутся,—то вотъ и весь миръ, міръ жизни любви, обняхъ другъ друга и увидятъ“

и восхваляете Господа: ибо хотя и въ вѣсть двонхъ, но *восполнилась правда Его*“. А это для старца самое главное и основное, что „восполнилась правда Его“, что уже есть сочетание божества и земной жизни. Все остальное—приложится само собой. Через простое соприкосновение съ создавшейся гармонией—песъ міръ повлечется въ нее. Старець полонъ предчувствія всеобщей гармонии. Все уже готово, все насторожилось, еще немножко—„только захотѣть понять, что жизнь есть рай—и тотчасъ же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемъ мы и заплачемъ...“ „...Богачъ устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, и бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему съ радостію“... Для этого не требуется какихъ-нибудь коренныхъ измѣненій въ строѣ нашей жизни—„безъ слугъ невозможно въ міру“—для этого достаточно нѣсколькихъ „трепещущихъ“ людей—таковые, по мнѣнію старца, выйдутъ изъ монастырей—нѣсколькихъ вдохновенныхъ, которые весь міръ заразятъ божествомъ. Да и правда, зачѣмъ эти коренныя измѣненія, которыя всегда что-нибудь устранять, что-нибудь отрѣзывать, когда ничего устранять не надо? Надо только кое-что поправить, не заново строить, а возстановить нарушенное. По всему ученію старца находимъ мы слѣды и намеки на его вѣру въ то, что гармонія есть первоначальный, основной фактъ, грѣхъ же и страданіе—только частичное ея нарушеніе. Можетъ быть, потому такъ дороги его сердцу дѣти и животныя—„любите животныхъ“ и тутъ же: „дѣтокъ любите особенно“, что они—природное, первичное, т.-е. то, въ чемъ прежде всего и раньше всего заложена гармонія. „Съ ними Христосъ *еще раньше насъ*“. Т.-е. природное первичное есть уже съ божествомъ и съ нимъ образуется цѣлое—первоначальную гармонию. А ты (т.-е. человѣкъ, разумѣется, взрослый) со своимъ величьемъ гноишь землю своимъ *появленіемъ на ней*“. Здѣсь такъ ясно намекается, что грѣхъ и страданіе („гниль“ человѣка) не должны считаться столь же основными, природными, какъ жизнь съ Христомъ—гармонія, но суть нечто *появляющееся*, вторичное. Однимъ словомъ, грѣхъ и страданіе для старца—только нарушеніе первоначальной гармоніи, временное разлученіе людской жизни съ божествомъ. Въ корнѣ же эта жизнь вполне хороша. Отсюда—непужность коронныхъ перемѣнъ. Если такъ, то понятно, что лечить міръ отъ его недуговъ нужно не устраненіемъ чего бы то ни было, но введеніемъ въ гармонию того, что дисгармонизируетъ.

Вотъ пришла къ старцу женщина съ материнскими неутолимыми горемъ: у нея умеръ сынъ. Если бы она пришла къ Бранду—онъ вырвалъ бы отъ нея это горе—„маленькій позументный поясочекъ съ мальчика“, который она принесла съ собой, какъ онъ это сдѣлалъ съ Агнесъ, потребовавъ отъ нея такія же маленькія вешничъ, которыя остались у нея отъ сына. Засемъ же говорить ей: ...не утѣшайся и плачь. И

надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будешь, но обратится онъ подъ конецъ въ *тихую радость*, и будутъ горькія слезы твои лишь слезами *тихаго умиленія*“. Такъ свободно и естественно дисгармонія для старца разрѣшается въ гармонию. Такъ „горькія слезы“, введенныя въ гармонию, становятся „слезами тихаго умиленія“. Такъ, ничего не устранивъ изъ міра и ничего не создавая въ немъ, только помогая росту уже сущей и природной гармоніи, думаетъ старецъ и весь міръ привести къ ней. Самыя гордыя и пышныя шествія при встрѣчѣ съ грѣхомъ и страдашемъ приходятъ въ смятеніе и въ расстройство. Но шествіе гармоніи старца цвѣтущее можетъ быть названо торжествующимъ: все на пути ея присоединяется къ ней, все повлекая въ себя, она все побѣждаетъ.

Грѣхъ и страданіе ужасны *сами*. Но не вообще ужасны. Дополненные божествомъ, они утрачиваютъ свою тяжесть и становятся необходимыми членами гармоніи такъ же, какъ титавры и трубы, дополненные скрипками—необходимые члены оркестра. Этотъ оптимизмъ старца, превращающій все неистовое и ревущее въ послушное и согласованное, при наличіи гармоніи, а следовательно, и вдохновенія, не таитъ въ себѣ ничего чудеснаго, если, конечно, самую гармонию не считать чудеснымъ.

Итакъ, изъ факта вдохновенности старца объясняется и его любовь къ землѣ или гармонія съ ней, и его снисходительность къ грѣху, и его полный радостнаго предчувствія оптимизмъ. Вдохновеніе—основа всего, чѣмъ живетъ старецъ.

Ученіемъ объ адѣ съ большой стройностью завершается его жизнеописаніе. Если „жизнь есть рай“ только потому, что божество уже обитаетъ въ ней или, что то же—только благодаря своей вдохновенности, то адъ для старца есть та же самая жизнь, но разлученная съ божествомъ и безнадежно тоскующая по нему. Тогда „...не придетъ Авраамъ хоть каплею воды живой прохладить пламень жажды любви духовной“. Отсюда и опредѣленіе ада, какъ страданія „о томъ, что нельзя уже болѣе любить“. Ибо вдохновеніе—основа любви. Такой жизни, лишеной вдохновенія, разлученной съ божествомъ, фактически не знаетъ Зосима. Онъ рисуетъ ее только, какъ возможное и какое-то потустороннее царство ада. Настоящая же жизнь для него, въ которой онъ фактически живетъ и которую только и знаетъ, есть рай. Рай уже начался для него на землѣ. „Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и возрастилъ садъ свой“. Правда, это еще не садъ, а садикъ, вродѣ его маленькаго цвѣтника въ скиту. Но всетаки это уже краешекъ райскаго сада, такъ какъ въ немъ есть самый главный признакъ рая—присутствіе небеснаго садовника. Иное положеніе занимаетъ адъ. Онъ по самому понятію своему—жизни разлученной съ божествомъ—уже находится внѣ того міра, въ которомъ живетъ ста-

рецъ, трансцендентъ въ отношеніи къ нему. Но этотъ міръ, въ которомъ живетъ старецъ, единственно знакомый ему, развѣ можно назвать земнымъ міромъ? И, наоборотъ, тотъ адъ, который не знакомъ старцу, не вапомпаетъ ли онъ подлинно земную жизнь въ самомъ характерномъ ея видѣ? Но видъ это значитъ, что земная жизнь такъ чужда старцу, какъ голыко можетъ быть чуждъ трансцендентный міръ. Здѣсь мы пришли опять къ тому, съ чего начали. Однако окончательно отвѣтить на эти вопросы можно не раньше, какъ посмотрѣвъ на тѣ главные признаки земной жизни, которые дѣлаютъ ее столь непохожей на рай старца и столь похожей на его адъ.

II.

Вдохновеніе— не продолженіе души человѣческой, но иѣчто привходящее въ нее, даръ ей, т.-е. иѣкоторое божественное содержаніе, съ которымъ она координирована. „Дорожи имъ (т.-е. изступленіемъ), ибо есть даръ Божій, волнкій, да не многимъ дается, а избраннымъ“. Самый даръ бываетъ разнымъ: онъ можетъ быть огненнымъ мочомъ, можетъ быть и душегою вѣтвью. Одинъ дается душамъ ратнымъ, другой—душамъ райскимъ. Поедѣніе несутъ въ міръ ту же отраду, что есудъ етъ цвѣтушими вѣтками въ комнату больного: онѣ дѣлительно дѣйствуютъ уже однимъ присутствіемъ своимъ. Къ такимъ душамъ надо отвести и Зосиму. Не мечомъ, былъ онъ благословенъ, а цвѣтами. А главное—онъ могъ быть спокоенъ за нихъ: кто-го не давать имъ упянуть или увидише замѣнять новыми. Такимъ душамъ даже иѣтъ нужды непрерывно чувствовать даваемые имъ дары: они всегда близко, всегда въ ихъ обладаніи. „И когда просвѣщеніе благодати задерживаетъ свои помыслы возбужденія насъ, и когда мы чувствуемъ мало или больше совѣсть не чувствуемъ тенза любви, то это—ночь, когда мы закрываемъ наше сердце; и такъ мы спрячемъ въ себѣ зологой цвѣтъ любви; и мы будемъ ждать новаго восхода солнца съ новыми сініями и новыми возбужденіями“ (Рэйсбрукъ). Въ этихъ словахъ фламандскаго мистина, во многомъ напоминающаго старца, какъ поразительно точно описано состояніе спокойной и кроткой увѣренности въ прочности обладанія божественными дарами, свойственное райскимъ душамъ, живущимъ, однако, на землѣ! Что значитъ для такихъ неземныхъ душъ временное затишье въ „возбужденіи благодати“, въ „тренианіи“? Счастливое утомленіе любленнаго, „ночь“, когда все должно безмятежно засыпать, въ сладкой увѣренности, что надъ исѣмъ-то правда Божія умиляющая, примиряющая“ (Зосима), и что на утро солнце имъ обезпечено. Это—увѣренность праведниковъ. Ея иѣтъ у неизбранныхъ, у тѣхъ, кто—„соль земли“—не въ евангельскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ того большинства.

которое сообщает земной жизни отличающий ее явусь. Для земли вдохновение — только гость из далеких невѣдомых странъ. И всѣ избранные подобны пиццамъ, которые сплзть у кузели, ожидая ангела, возмущающаго воду. Да и все-то возмущение—только рябь на поверхности, легкій холодокъ и маленькое волнение души. всегда смѣшанное съ грустью мимолетности встрѣчи и близкой разлуки. На кого спсходитъ оно, тотъ не знаетъ отдыха въ опасеніи его потерять; скоро устааетъ отъ восторга и въ то же время тревожится—туть ли онъ; ночью не знаетъ безмятежнаго сна, но будто встаетъ, зажигаетъ фонарь, ищетъ кого-то, умоляетъ и требуетъ вернуться, обхватываетъ шею коня и мчится въ погоню, къ берегу моря, а когда бредетъ обратно отъ вѣчнаго рубежа, за который улизыл его гость, то вкушаетъ спокойствіе свойственное томль—равнодушіе и усталость. Чередование усталости и тревоги, радости и грусти, мимолетной встрѣчи и одиночества на общемъ фонѣ тоски по гармоніи постоянной и вѣчной—вотъ то специфически земное, что раз навсегда отличаетъ чуждую божества землю отъ рая Зосимы и дѣлаетъ ее сходной съ его адомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для него чуждой, непонятной, трансцендентной. Существо прекрасное, но страдающее; любящее любовью по вдохновенной, но тоскующей и безвильной соединити что-либо; оно смотритъ въ даль съ грустью и безземель; въ тихіе лѣтніе вечера скорбитъ о близкой разлукѣ, а въ бурю—утѣшаетъ деревья, — въ такомъ образѣ можно представить душу земли. Дары ея скромны и бѣдны. Что до нихъ тому, кто получалъ даръ вдохновенія?

Она—„бѣдная мама“, которая пришла въ пансіонъ Тушара („Подросюкъ“), гдѣ все „графскія и сенаторскія“ дѣти, пришла въ „темненькомъ, старенькомъ платьицѣ...; съ ней былъ узелокъ, и она развязала это: въ него оказались шесть анеллеиновъ, нѣсколько приниковъ и два избыкновенныхъ французскихъ хлѣба“. Часто дѣти ея стыдятся ея бѣдныхъ даровъ и отвергають ихъ, можетъ быть, для того, чтобы нанести себѣ рану, точащую жалостью, и потомъ плачуть и причитають, „завернувшись головой въ одеяло“: „Мамочка, мама, разъ-то въ жизни была ты у меня... Мамочка, гдѣ ты теперь, гостя ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь сегого бѣднаго мальчика, къ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разокъ теперь..., чтобъ только и сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синюшкіе глазки, сказать тебѣ, что я советѣмъ тебя ужъ теперь не забывусь, и что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое выло тогда, а я только сидѣлъ, какъ лакей“. Зосима—не сынъ ея. Для истиннаго сына ея гошій узелокъ дороже всѣхъ высшихъ сокровищъ. Онъ не захочетъ быть ихъ лакеемъ, когда можетъ стать ея рыцаремъ. Но можно ли назвать ея рыцаремъ Бранда—противоположный полюсъ Зосимы?

Ми подошли здѣсь какъ бы къ границѣ старца Зосимы и къ на-

чалу Бранда. Адъ или земная жизнь, чуждая божества, вдохновенія— вотъ тотъ предѣлъ Зосимы, за которымъ начинается для него область мало пзвѣтная и далекая. Но какъ разъ въ этой области рождается Брандъ. Онъ пеходитъ изъ нея, но не остается въ ней, а воеь устремляется къ раю, который пастолько же далеко отъ него, паволько ближе къ Зосимѣ.

III.

Вотъ что воспоминаеть Брандъ о своей ранней жизни на родинѣ у фюрда:

Тамъ среди казней прибрежныхъ
съ дѣтва бродилъ я—душой одинокъ.

И потомъ Брандъ не разъ упоминаеть о своемъ одиночествѣ. Къ этому мотиву подходитъ и другой:

Любви не зная, но по ней тоскую,
я сердцемъ и душой ожесточился.

Уже дны главные симптомы ада Зосимы: одиночество, тоска.. Для „незбранныхъ“ же—это близкія земныя черты на лицѣ Бранда. Уже съ первыхъ тревожныхъ словъ Бранда предчувствуешь, какого пронехождения это одиночество и эта тоска. А съ приближеніемъ къ концу поэмы окончательно выясняется, откуда они.

Слезы перѣдко тумянить
взоръ мой...
Въ эти минуты мнѣ кажется—я
Господи вижу такъ близко,
какъ никогда,
Такъ бы и бросился. Агнесь, къ Нему...

Эти слова—приблизительно въ серединѣ поэмы. Они такъ яло намекають на посѣщенія души Бранда невидимымъ гостемъ. Потомъ, немного позже, Брандъ опять воспоминаеть о немъ:

Откуда
явилось сладостное то любовное,
потокъ волшебныхъ звуковъ?

И вдругъ вездѣ за этой грустью воспоминаній—полныя тревоги и отчаянн слова:

Затворилось небо для меня
И вракъ окуталъ душу.

И наконецъ страхъ и крикъ:

Дай свѣта, свѣта. Агнесь, если можешь!

Скорѣе, скорѣе! кого-то надо некать съ фонаремъ, за кѣмъ-то надо

мчаться въ погоню къ фіорду, быть можетъ, ринуться на лодкѣ и въ самый фіордъ, чтобы

Иъною прыгнуть
вѣтеръ въ лицо.

Но въ томъ-го и трагедія Бранда, что „небо“ никогда окончательнo не затворялось для него. Еще разъ оно пріотворяется передъ его гибелью. И тутъ Брандъ даетъ волю давно накопившимся въ немъ слезамъ. Онъ точно ребенокъ, который понялъ, что съ нимъ ведутъ недобрую игру:

О, Иисусъ. Я всю жизнь тебя звалъ,
Ты не хотѣлъ мнѣ явиться;
только лишь смутно мелькать, ускользать,
точно забытое слово.

Теперь ясно, что міръ Бранда диаметрально противоположенъ міру Зосямы. Это истинныя трансцендентныя въ отношеніи другъ къ другу міры, какъ адъ и рай. Зосяма живетъ въ раю, Брандъ же на землѣ, т.-е. въ аду, по терминологіи старца. Источники главныхъ земныхъ или адскихъ мученій—чувства одиночества и тоски, переходящей періодически въ отчаяніе—не въ томъ, что земная жизнь абсолютно не вѣдаетъ божества, вдохновенія: безъ разлуки, а, следовательно, и безъ встрѣчи съ нимъ не было бы ни чувства одиночества, ни тоски. Источники этихъ чувствъ—въ тѣхъ мимолетныхъ, непрочныхъ и поверхностныхъ касаніяхъ божества, на которыми слѣдуютъ періоды разлуки. Его посѣщеніе земли—не прочая гармонія Зосямы, но только тѣнь облаковъ, идущихъ надъ озеромъ.

Тѣью лишь смутно мелькалъ, ускользая...

Такъ всю жизнь дразнило вдохновеніе Бранда, постоянно сбивая его съ прямого пути воли, на которомъ онъ думалъ счастіемъ. Воля—единственный путь, ведущій изъ жизни, изъ „ада“. Въ самомъ дѣлѣ, куда счастіемъ человеку, который хочетъ разъ навсегда оградить себя отъ мучительной игры вдохновенія? Единственный исходъ для него—совсѣмъ отказаться отъ безплодныхъ соприкосновеній съ божествомъ и твердо признать абсолютное отсутствіе божества на землѣ, его неадекватность въ земной жизни, его трансцендентность въ отношеніи къ ней. Но недавнее нельзя испытывать или чувствовать—его можно только хотѣть, какъ ицѣль. Для Зосямы божество было постоянно даннымъ. Поэтому естественнымъ отношеніемъ къ нему могло быть только цѣлостное сочетаніе съ нимъ, гармонія, любовь. Для Бранда единственно нормальнымъ отношеніемъ къ его неданному божеству можетъ быть только воля, чистое хотѣніе или, что то же—вѣра. Историческій аналогонъ Бранда—Лютеръ очевидно опредѣленно указалъ на источникъ вѣры. Онъ говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: „Богъ великъ не вѣрить въ то, что

дано¹⁾. Это значитъ, что вѣрить должно только въ то, что по дано. Итакъ, недавность предмета—вотъ петочивыя вѣры въ него: онъ тотъ же самый, что и хотѣній. Твердое рѣшеніе оградить себя отъ непрочной, свойственной землѣ вдохновенности побуждаетъ Бранда не только вступить на путь вѣры, но и вѣчно охранять ту часть своей природы, которая особенно подвержена таинственному волненію и возмущенію. Поэтому-то онъ такъ круто обращается съ своими *чувствами*. Онъ какъ бы запираетъ входъ въ свой міръ, въ своей узкій фіордъ желѣзными цѣвями, чтобы никакой гость съ океана не вылилъ въ него. Насколько Зосима гармонируетъ съ землей и потому приверженъ къ ней, насколько Брандъ, настоящій сынъ земли, дисгармонируетъ со всѣми земными, отвращается отъ нея. Также и грѣхъ, не умѣренный гармоніей съ божествомъ, не добрый медвѣдь—для Бранда, а страшный драконъ, съ которымъ не можетъ быть примиренія. И наконецъ сознание одиночества, усиленное принципиальнымъ отказомъ отъ посѣщеній божества, безсиліе произвести при такомъ условіи какую-нибудь радикальную перемену въ объективномъ мірѣ.—рождаетъ въ душѣ Бранда ту тьму пессимизма, которую только на время можетъ смягчить Агнестъ своимъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, если изъ факта наличности вдохновенія въ душѣ старпа объявляется его приверженность къ земному, его спиходительность къ грѣху и его оптимизмъ, то изъ факта принципиальнаго (хотя и не вполне фактическаго) отсутствія въ душѣ Бранда той же вдохновенія—объявляется его отвращеніе отъ земного, его непримиримая вражда къ грѣху и его пессимизмъ при опѣнкѣ плодотворности своей работы въ объективномъ мірѣ (напр., безнадѣжность, охватывающая Бранда при размышленіяхъ объ объективномъ грѣхѣ, растущемъ черезъ наследственность—„гора долговъ“ и т. д.).

Пусть спасенія, избранный Брандомъ,—не ноль. На него указывали циники и стоики; но нему устремился Лютеръ, его общае оступность доказывалъ Кантъ. Эти мудрецы—вѣчные учителя и трузья *человѣчества*, открывшіе попетивъ общочеловѣческую мудрость. Какъ, будучи лишеннымъ сокровищъ, всетаки сознавать въ себѣ достоинство, т. е., въ сущности, какъ, будучи бѣднымъ, считать себя богачомъ?—вотъ основной вопросъ ихъ мудрости, и они отвѣчали на него, предлагая свою мораль бѣдняковъ. Ея сущность въ томъ, что нужно имѣть мужество, признать недавность высшаго блага, отказаться отъ всего даннаго, отъ всѣхъ *даровъ*, отъ „золотыхъ гроздей“ на обыкновенной лозѣ, по словамъ Сенеки („Письма къ Люцилію“, XLII), и цѣнить въ себѣ не дарованное, а лишь безпорию свое, человѣческое, свою „натуральную лозу“, т. е.

¹⁾ Dr. Martin Luthers Werke in einer der Bedürfnisse der Zeit herausgegebenen Auswahl. 1826 (т. I, стр. 93.)

прежде всего свою „добрую волю“, точнѣе—свое хотѣніе. Не имѣя дара, отказаться отъ податекъ—въ этомъ всегда была и будетъ мудрости, гордость и утѣшеніе нищихъ. Такая мораль, философское освѣщеніе которой далъ Кантъ, поспивгъ можетъ гордиться своей общезначительностью и необходимостью, потому что не нуждается въ живомъ соприкосновеніи съ добромъ, съ божествомъ, т.-е. во вдохновеніи, доступномъ немногимъ и всегда случайномъ. Ея основное требованіе—каждый долженъ хотѣть цѣли—можетъ быть общезначительнымъ закономъ, такъ какъ доступно всѣмъ людямъ, а значитъ и тому большинству, которое не можетъ исполнить ни одного изъ совѣтовъ старца—ни „любить неустанно, ненасытимо“, ни „цѣловать землю“. Поэтому съ полнимъ правомъ могъ сказать Брандъ:

Простится тебѣ, чего не сможешь,
чего-жъ не *заполнить* ты—никогда.

М.и.

Не въ томъ счастье дѣлющій подвигъ,
чтобъ на крестѣ изъ страданьяхъ умереть,
но въ томъ, чтооь этого хотѣть всѣмъ сердцемъ и т. д.

Мораль Зосимы—мораль гениевъ. Мораль Бранда—мораль—всего—человѣчества. Но не своей положительной моралью дорогъ и близокъ имъ Брандъ, а своей раздвоенностью, своимъ постояннымъ сходященіемъ съ прямого пути воли. Кого коснулось вдохновеніе—тотъ не можетъ забыть его и тоскуетъ по немъ. И эта тоска по вдохновенію, по „золотымъ гроздьямъ“ всегда живетъ въ душѣ Бранда, хотя онъ и старается не вспоминать о нихъ. Этимъ онъ бесконечно земной человекъ,—ребенокъ, котораго замучили небесныя силы.

„Порвались видно струны въ этой лютиль.“—такъ характеризуетъ онъ безумную Герду. Какой-то рокъ, совмѣщающій пути этихъ душъ, отбрасываетъ и эти слова на самого Бранда. Именно въ немъ-то и порвались струны и сдѣлали недоступной для него жизнь въ гармоніи—въ раѣ. Но въ силахъ терпѣть дисгармонію жизни—ахъ—Брандъ уходитъ изъ міра по горькому пути вѣры, воли. Какъ же болѣе опредѣленно характеризуется цѣль его воли? Цѣль—это то, недостатокъ чего такъ рѣзко чувствуетъ Брандъ—прочное соединеніе божества съ жизнью—гармонія, рай. Много разъ Брандъ говоритъ о своей цѣли, какъ о цѣлостности или дополненности бытія въ противоположность „половинчатости“ земной жизни. Но только эта цѣль для него не дана, а уходитъ въ безконечность. Какъ ахъ былъ прецѣломъ для Зосимы, трансцендентнымъ въ отношеніи къ его раю, такъ рай есть такой же прецѣлъ для Бранда, трансцендентный въ отношеніи къ родной ему области—къ землѣ. Такъ же мало понятна для Бранда гармонія, цѣлостное существованіе земной жизни и божества—рай, какъ для Зосимы—встар-

монія, разъединенное существованіе земной жизни и Бога—адъ. Но истина оба живутъ въ разныхъ областяхъ. Но оба они знаютъ, что можно больше всего на свѣтѣ любить земную жизнь въ образѣ матери „съ спянькими глазками“, „въ темньномъ платьицѣ“; и этотъ образъ ея всегда носить на груди какъ образокъ, чтобы, видя передъ собой ея черты—ея грусть, ея одиночество, ея безсиліе—и цѣлуя ихъ, ненавидѣть все то, что ее обижаетъ и мучитъ; и самые небесные дары принимать лишь *для нея*—или какъ мечъ для ея защиты, или какъ цвѣтокъ для ея украшенія. Зосима все время жить въ раю, въ садикѣ, который носить въ себѣ, и потому видѣлъ кругомъ себя лишь „Божію славу“—птички, деревья, дуга, небеса“. Чтобы увидать землю, нужно выйти изъ *садика*, и на ней—не одни „травки“, „питанки Божіи“ и добродушные лѣвры: нельзя полюбить ее, не возненавидѣвъ ея враговъ; нельзя ее цѣловать со слезами и нѣжностью въ сердцѣ, но безъ желѣза въ рукахъ. Брандъ живетъ на землѣ, онъ сынъ ея, но онъ мечтаетъ о томъ, чего земля дать не можетъ и, не получая небесныхъ сокровищъ, предпочитаетъ быть совсѣмъ нищимъ, чѣмъ приять узелокъ ея скромныхъ даровъ. Одинъ—ея гость, передъ которымъ она стыдится своего „темньенькаго платьица“, другой—ея сынъ, который ея стыдится: ни тотъ, ни другой не можетъ стать ея рыцаремъ.

Дм. Болдыревъ.